

УДК 94(47):94(420) "1918"
DOI: 10.17223/19988613/70/12

С.А. Миронюк

БОРЬБА С БОЛЬШЕВИЗМОМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕРВЕНЦИИ ПОСЛЕ КОМПЬЕНСКОГО ПЕРЕМИРИЯ (ПО ДОКУМЕНТАМ ВОЕННОГО КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НОЯБРЯ–ДЕКАБРЯ 1918 г.)

Исследуются изменения в политике Военного Кабинета министров Великобритании в отношении России после заключения Компьенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г., когда разрабатывалась новая концепция интервенции с учетом угроз миру, сохранявшихся, по мнению британского правительства, в период перемирия и поствоенный период. В качестве одной из таких угроз рассматривалась «угроза большевизма». Большевизм и возможность его распространения в этот период воспринимались британскими властями как серьезная угроза глобального характера.

Ключевые слова: Военный Кабинет министров; Компьенское перемирие; интервенция; большевизм.

Юбилейные даты подписания Компьенского перемирия и заключения Версальского договора оставили в некоторой тени одно из важнейших событий в истории России и международных отношений: начало интервенции стран Антанты и их союзников в Россию в июле–августе 1918 г. и ее усиление после заключения Компьенского перемирия, уже зафиксировавшего поражение Германии и отменившего Брестский договор и приложения к нему.

В отечественной историографии советского периода при рассмотрении темы интервенции господствовало убеждение, что мировые империалистические силы в борьбе против Советской России в первую очередь руководствовались ненавистью к большевистской идеологии, поскольку «иностранные империалисты не могли примириться с существованием страны, где у власти стояли рабочие и крестьяне и своим примером оказывали революционное воздействие на трудящихся капиталистических стран» [1. С. 256]. Данная установка была заложена в пятитомном труде «История гражданской войны в СССР», издававшемся в 1935–1958 гг. под редакцией М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина и тиражировавшемся на протяжении всей советской эпохи. В работе констатировалось, что «...в социалистической революции империалисты увидели смертельную угрозу всей капиталистической системе» [2. С. 291], и западные правительства уже в первые месяцы советской власти «...создали на окраинах и в национальных районах России контрреволюционные очаги, стремясь изолировать Центральную Россию, лишить ее жизненно необходимых продовольственных и сырьевых ресурсов...» [Там же. С. 42–43]. Начиная с 1980-х гг. вопрос идеологической составляющей политики интервенции постепенно начинает уходить в тень. Показательной в этом смысле можно считать книгу Ф.Д. Волкова «Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит», где проблемы англо-советских отношений в 1917–1939 гг. еще рассматриваются в рамках подходов советского периода [3]. Вместе с тем в ней впервые опубликованы отдельные документы Военного Кабинета министров Великобритании или их фраг-

менты. В частности, в книге упоминаются заседание Кабинета министров 14 ноября 1918 г. и меморандум начальника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона, где конкретно и объемно рассматривался вопрос о большевизме как реальной угрозе, однако Ф.Д. Волков даже не упомянул об этом. Для работ, написанных в постсоветский период, в большей степени характерно изучение другого фактора интервенции: стремления стран Антанты получить геополитические выгоды от ослабления России и Германии [4–6]. «Сильной России ни Великобритания, ни Франция, ни США не желали и, стремясь использовать ее в своих геополитических и стратегических интересах, предпочли бы уход ее из мировой политики как влиятельной силы – великой державы», – считает Н.Е. Быстрова [4. С. 9].

Зарубежные историки, затрагивавшие в своих работах интервенцию, делали это в рамках целей и задач собственных исследований, не концентрируясь специально на идеологических вопросах. Были и другие причины недоисследованности темы интервенции, в частности Р. Ульман и Р. Уорт в своих ставших классическими работах отмечали закрытость на момент их написания необходимых российских и зарубежных архивных материалов [7. Р. 83; 8. С. 7]. Другая причина – упрощенный подход к самому феномену интервенции у некоторых авторов: «...интервенция была скорее неразберихой, чем заговором» [9. С. 245], и Запад при своей огромной военной силе и относительной слабости советского государства «...не предпринял в то время серьезных усилий, чтобы, по образному выражению Черчилля, “удушить большевизм в колыбели”» [10. С. 366]. Такие оценки противоречат содержанию рассекреченных к настоящему времени протоколов заседаний британского правительства и документов государственных учреждений.

Цель настоящей работы – выяснить, насколько заметной и весомой была тема борьбы с большевизмом в качестве фактора усиления британской интервенции в России после заключения Компьенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г. в соответствии с официальными британскими источниками. Работа основывается на трех основных документах: меморандуме началь-

ника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) [11], меморандуме председателя Совета по образованию Г. Фишера «Будущая военная политика в России» (5 декабря 1918 г.) [12] и документе «Заметки по нашей политике в России», подготовленном государственным секретарем по иностранным делам А. Бальфуrom (ноябрь 1918 г.) [13]. Кроме этих документов источниковая база статьи включает решение конференции в Форин офисе от 13 ноября 1918 г. [14] и протоколы заседаний Военного Кабинета министров Великобритании от 14 ноября и 10 декабря 1918 г. [15, 16].

На момент заключения Компьенского перемирия открытая интервенция стран Антанты в России уже шла полным ходом. Начатое в июле–августе 1918 г. вторжение публично обосновывалось военной необходимостью противодействия Германии для удержания Восточного фронта и сохранения союзнических складов во Владивостоке, Мурманске и Архангельске [17. С. 78, 79]. После 11 ноября 1918 г. такое объяснение теряло актуальность и убедительность в глазах населения стран Антанты. В условиях перемирия, казалось бы, должны были наступить сворачивание всех операций в России и вывод из нее войск союзников. Однако происходило прямо противоположное: дальнейшее разворачивание интервенции в ускоренных темпах. Этому предшествовало проведение подготовительной работы. 18 октября 1918 г. Кабинет министров поручил Форин офису совместно с Имперским Генеральным штабом и Адмиралтейством подготовить доклад «О настоящей и будущей военной политике в России» [6. С. 525].

13 ноября 1918 г. состоялась конференция в Форин офисе в присутствии военных и военно-морских властей, где по просьбе председательствовавшего на ней Бальфура его заместитель Р. Сесил зачитал меморандум Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России». Это был единственный документ, обсуждавшийся на конференции, и по ее итогам он послужил основой для принятого решения.

В документе констатировалось, что политика военной интервенции, ранее одобренная правительством, была направлена на достижение трех целей: не позволить Германии получить помощь из России и Сибири людьми и поставками; не допустить переброски живой силы и ресурсов с Русского фронта на другие фронты; предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны. «Две первые цели исчезли с подписанием перемирия. Осталась только третья, которую, однако, можно охарактеризовать почти как “война после войны”» [11. Р. 22]. Изменившиеся условия требовали в срочном порядке разработать обновленную концепцию военной политики в отношении России. Отмечалось, что при рассмотрении любой операции в России во время перемирия надо постоянно учитывать ограниченность времени, поскольку любое инициированное действие может быть не исполнено, если его ограничивать датой подписания мира. Сторонники продолжения интервенции в России обосновывали свое мнение следующими положениями:

«(а.) Большевизм – это опасность миру (включая, конечно, Центральные державы), и он должен быть сокрушен.

(б.) Если мы этого не сделаем, наступит время, когда это сделают немцы, и по мере того, как это будет происходить, они приобретут преобладающее влияние в России.

(с.) Мы не можем бросить тех, кто нам помогал, на милость большевиков, и без дальнейшей интервенции мы, возможно, не сможем вывести определенную часть наших войск» [Ibid.].

Представленная в меморандуме мотивация сторонников продолжения интервенции сводилась прежде всего к необходимости борьбы с большевизмом как мировой угрозой и проблеме англо-германского соперничества в России. При этом обе проблемы связывались в единое целое: сокрушение большевизма в России должно было стать той задачей, решение которой выбило бы почву из-под ног Германии, и, опередив последнюю в данном вопросе, Великобритания смогла бы предотвратить возможность установления политического влияния Германии в поствоенной России.

Интересна трактовка большевизма и его перспектив, изложенная в меморандуме Вильсона: «Большевизм – это культ, если не религия... И если, как все культы, он совершенно нежизнеспособен – а мы считаем именно так, – он не сможет надолго пережить восстановление нормальных условий в остальном мире, если только на самом деле он не лучше того, что мы готовы признать, тогда он будет постепенно развиваться в более высокоразвитый организм, и мы не сможем длительное время душить его военными мерами. И если это признать, то реальная цель, как мы ее уже и определили, состоит в том, чтобы немцы не извлекли возможные выгоды, которые могут появиться для них от борьбы с большевизмом...» [Ibid.].

Хотя в меморандуме говорилось об обреченности большевизма, вместе с тем продвигалась идея нанесения ему упреждающего удара, поскольку в противном случае это могли бы сделать немцы, что привело бы к установлению германского контроля над Россией после успешного завершения схватки с большевизмом. По существу, политический вопрос о борьбе с большевизмом рассматривался во властных кругах Великобритании как вызов глобального характера, который намеривались «душить» военными мерами, и одновременно как возможность приобрести влияние в России и получить от этого выгоду.

В меморандуме изложено несколько вариантов военных мер, направленных на борьбу с большевизмом. Первый: «...создать вокруг большевистской России кольцо государств для предотвращения распространения большевизма; лишить его поставок и возможности экспансии и таким образом привести к абсолютному истощению. Это повлечет за собой в данном случае голодание большого числа людей и потребует оккупации союзными войсками пограничных государств на неопределенный срок до тех пор, пока не исчезнет большевистская Россия и не укрепитя со всей очевидностью Россия небольшевистская» [Ibid.]. Второй, альтернативный, вариант: «...решительно взяться за дело

путем принятия активных военных мер, имея в виду окончательно сокрушить большевизм в самые короткие возможные сроки. Это более быстрый и более надежный проект сорвать планы возможной германской экспансии... но существуют большие трудности на пути осуществления такой акции» [11. Р. 22]. Третьим вариантом было заставить Германию передать оружие и снаряжение пограничным странам, репатриировать войска, которыми могут располагать дружественные Британии страны, и в целом оказать им поддержку.

В заключение документа представлены два вывода. В первом подчеркивалась необходимость окончательно выполнить внутренние обязательства перед британской армией, имея целью полный вывод войск из Европейской России к тому времени, когда будет подписан мирный договор и образовано сильное русское правительство в Сибири. Второй вывод содержал намерение немедленно воспользоваться преимуществом открытия Балтики для обеспечения лояльных интервентам сил военными поставкам и Черного моря, «...чтобы оккупировать такие порты на восточном побережье, которые могут быть необходимы, чтобы протянуть руку помощи тем, кто тяготеет к созданию стабильного русского правительства» [Ibid. Р. 23].

В ходе конференции свое мнение по затронутым вопросам озвучил Бальфур. Он не считал возможным поддержать вариант борьбы с большевизмом путем осуществления открытого «антибольшевистского крестового похода», поскольку на него не согласятся жители страны. Вместе с тем Бальфур указал на необходимость оказать поддержку государствам на западной границе России от Балтийского до Черного моря. После непродолжительной дискуссии в протокол было занесено решение:

1. Продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска.
2. Признать Омскую Директорию фактическим правительством.
3. Поддержать уже начатую сибирскую экспедицию и призвать канадцев придерживаться договоренностей, предусмотренных до перемирия.
4. Побудить чехов оставаться в Западной Сибири и отправить туда некоторых своих сотрудников.
5. Утвердить положение по вопросу о взаимоотношениях французского генерала М. Жанена и английского генерала А. Нокса.
6. Приступить к оккупации железной дороги Баку–Батум.
7. Установить контакт с А.И. Деникиным в Новороссийске и оказать всю возможную помощь военными материалами.
8. Предоставлять балтийским государствам военные материалы, если и когда они имеют правительства, готовые получать и использовать такие материалы.
9. Разрешить генералу Маршаллу взять в управление Красноводск (Туркменбаши).
10. Придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой [14. Р. 78–79].

Таким образом, решение конференции представляет собой подробный, хорошо проработанный план расширения и усиления британской интервенции в России.

Решение конференции было рассмотрено на заседании Кабинета министров 14 ноября 1918 г. в рамках вопроса, обозначенного в повестке дня как «Большевизм (Россия, Сибирь, Туркестан, Кавказ, балтийские страны, Польша, Голландия)». Вынесение в заголовок слова «Большевизм» подчеркивало намерение правительства бороться с ним в ходе интервенции. Выступивший в начале заседания Бальфур отметил, что все британские представители на местах склонялись к проведению «антибольшевистского крестового похода» ввиду «зверского характера большевистского правительства» [15. Р. 76]. Однако трезвая оценка имеющихся реальных ресурсов, которые могли бы обеспечить эффективность проведения массовой военной операции против правительства Ленина, не оставляла возможности всецело поддаться эмоциональному порыву. Руководствуясь здравым смыслом, Бальфур заявил, что предпринять военный «крестовый поход» против большевизма невозможно, поскольку он привел бы Великобританию к военным действиям непредсказуемой величины. В этом его поддержал государственный секретарь по военным делам А. Милнер, добавив, что Великобритания ни при каких обстоятельствах не может отправлять войска в Россию. Эту точку зрения поддержал также Сесил, сказав, что решение о «крестовом походе» против большевиков было бы фатальным, подчеркнув, однако, что следует делать все, что в силах Кабинета министров, для предотвращения анархии в «богатых странах Южной и Юго-Восточной России», поддержки генерала Деникина и власти в тех районах, которые не были большевистскими [Ibid. Р. 76, 77]. Было отмечено также, что немцы использовали большевиков повсеместно в своих собственных целях.

Следует отметить, что до заключения Компьенского перемирия противостояние большевизму не подчеркивалось британским правительством в качестве приоритета политики в отношении России. Теперь же приглашенный на заседание Кабинета министров член парламента А.Н. Чемберлен заявил, что вопрос является неотложным и что «...пришло время, когда срочно необходимо полностью опубликовать свидетельства...» [Ibid. Р. 77], собранные главой специальной британской миссии в Москве Б. Локкартом, относительно «поведения большевиков». Такой напор и спешка свидетельствуют о том, что необходимо было срочно подготовить общественное мнение с целью заручиться лояльностью британских подданных как минимум к дальнейшему пребыванию войск на территории России и как максимум к «войне после войны». Других аргументов, кроме «зверского характера большевистского правительства», в пользу продолжения интервенции, которые можно было бы предъявить народу Британии, у правительства в условиях наступившего перемирия не было.

По итогам заседания Кабинета министров 14 ноября 1918 г. были приняты важнейшие решения. Первое: Форин офис должен собрать как можно больше мате-

риалов, касающихся «поведения правительства большевиков», и обсудить их с уполномоченными лицами, имея в виду полную и быструю публикацию. Второе: Кабинет министров одобрил решения конференции в Форин офисе, т.е. утвердил программу усиления интервенции, за исключением п. 9, оставив его на совместное рассмотрение государственного секретаря по военным вопросам и государственного секретаря по делам Индии.

Хотя материалы о большевизме только предстояло собрать и опубликовать, новая программа интервенции начала реализовываться незамедлительно: 16 ноября 1918 г. британская эскадра вошла в Черное море, 17 ноября в Баку прибыл из Персии пятитысячный контингент британских военных под командованием генерала У. Томсона. Железнодорожная ветка Баку–Батум была взята под контроль. В декабре 1918 г. английские корабли вошли в гавани стран Прибалтики: Мемель (Клайпеду), Либаву (Лиепаю), Ригу и Ревель (Таллин). В развитие этой политики усиленными темпами шли вооружения и иная помощь как в пограничные с Россией новообразованные государства, так и антибольшевистским армиям внутри России. Принятые решения о направлениях развития интервенции и помощи антибольшевистским силам и их быстрая практическая реализация свидетельствуют о серьезных намерениях Великобритании взять под контроль стратегические объекты инфраструктуры, порты и железные дороги, а также богатые ресурсами территории бывшей Российской империи. Одновременно с ужесточением британской политики в отношении Советской России и развитием интервенции в британском обществе усиливалось недовольство этой политикой. Британцев волновали насущные для них вопросы: демобилизация, занятость, условия труда, а не идея участия в «войне после войны» в России, какими бы ни были ее цели. В Великобритании нарастало забастовочное движение и активно формировалось движение «Руки прочь от России!». «Число бастовавших рабочих Англии в 1918 г. составило 1 116 тыс. человек, увеличившись почти в 2 раза по сравнению с 1913 г. Буржуазная печать с тревогой писала, что во главе этих стачек стоят большевики» [3. С. 130].

Озабоченность проблемами восприятия политики интервенции в британском обществе выразил историк, председатель Совета по образованию Г. Фишер в меморандуме «Будущая военная политика в России» от 5 декабря 1918 г., который был представлен в Кабинет министров. В документе отмечалось, что после подписания перемирия продолжающаяся военная операция в России крайне непопулярна среди рабочих и женщин Великобритании, тем более в обстановке слухов, что британские солдаты в России голодают. «Трудящиеся не понимают, зачем мы вообще воюем в России... если только не для восстановления самодержавия» [12. Р. 142]. Фишер констатировал, что хотя большевикам в Британии симпатизирует лишь небольшое меньшинство рабочих, многие люди считают, что формирование российского правительства – дело самих русских. В этой связи правительству предлагалось разъяснить британскую политику в России. Подчеркивалось, что

чем дольше будет длиться ее обсуждение, тем более непопулярной она будет становиться, и если правительство считает, что открытие мирной конференции в Париже дает удобную возможность для урегулирования дел Российской империи, то «...я бы предложил в качестве вопроса для рассмотрения определиться, следует ли наряду с основной конференцией учредить вспомогательную для решения множества проблем, возникающих в связи с урегулированием положения в Российской империи. На такой конференции, несомненно, присутствовали бы представители различных правительств, которые были созданы в России и на ее окраинах, из Эстонии, Грузии, Украины, Омска, Финляндии и, как я полагаю, правительства большевиков» [12. Р. 143]. В дальнейшем высказанные в меморандуме Фишера мысли и предложения оформились в платформу, с которой выступали менее радикально настроенные в отношении Советской России силы внутри Кабинета министров.

Меморандум Фишера был рассмотрен на заседании Кабинета министров 10 декабря 1918 г. в рамках обсуждения союзной операции и военной политики в России. На этом же заседании Бальфур зачитал подготовленный в ноябре 1918 г. документ «Заметки по нашей политике в России». В нем подтверждалось, что с поражением Германии основной побудительный мотив для военной операции в России исчез и, соответственно, возник вопрос: «Для чего же мы все еще поддерживаем войска в разных частях того, что когда-то было Российской Империей?» [13. Р. 106]. В документе отмечалось, что бытует мнение, что проводимые военные экспедиции являются частичными и несовершенными для проведения кампании против большевизма, восстановления порядка и образования стабильного российского правительства, а также звучат призывы к отправке новых групп войск для незамедлительного решения этих задач. Перечисленное указывает на неправильное представление о действиях правительства, которое всегда утверждало, что именно русские должны выбирать форму правления в своей стране, и у правительства нет желания вмешиваться во внутренние дела России. И если в ходе операций, по существу, направленных против Центральные держав, Британия должна сотрудничать с дружественными Антанте политическими и военными организациями в России, это не означает, что «...мы считаем себя имеющими какую-либо миссию по установлению какой-либо определенной политической системы среди русского народа... Правительство Его Величества до настоящего момента придерживается именно этих принципов. Однако это не означает, что мы можем полностью абстрагироваться от российских дел, которые нельзя игнорировать» [Ibid.].

Таким образом, на вопрос, что делают британские войска в России, волновавший часть британского общества, документ Бальфура однозначного, понятного ответа не дает, а только констатирует отсутствие у правительства намерений устанавливать какую-либо форму правления в России.

Рассмотрение меморандума Фишера и записки Бальфура на заседании Кабинета министров 10 декаб-

ря 1918 г. свидетельствует, что правительство приняло во внимание то, что значительная часть населения была против нахождения британских войск в России после Компьенского перемирия. «После завершения Первой мировой войны мало кто хотел воевать в далекой России против каких-то еще большевиков» [18. С. 52]. В преддверии выборов с этим необходимо было считаться. Тем более что военные меры по продолжению и усилению интервенции были уже предприняты. Дальнейшее рассмотрение вопроса о союзной операции и военной политике в России было отложено.

14 декабря 1918 г. состоялись всеобщие выборы в Палату общин. После выборов, на которых премьер-министр Д. Ллойд Джордж получил огромный вотум доверия, пост государственного секретаря по военным делам по его предложению занял У. Черчилль. С приходом Черчилля на этот пост дискуссии по вопросу интервенции снова обострились. При этом позиции представителей властных структур в отношении того, какой должна быть политика британского правительства в России, варьировали в широком диапазоне: от активной поддержки Белого движения и расширения интервенции до скорейшего вывода войск. «Наиболее стойкими приверженцами первого курса выступали в Департаменте политической разведки Р. Липер, Дж. Симпсон, а в составе Военного кабинета – У. Черчилль. Противниками расширения интервенции являлись Ллойд Джордж, министр финансов О. Чемберлен, сотрудник Форин офис, а впоследствии известный историк Э. Карр» [5. С. 289]. Эти противостояния происходили на фоне роста социальной напряженности в английском обществе, которое сопровождалось митингами и забастовками. Эти волнения в недалеком будущем наряду с поражениями белых сил и финансовыми трудностями привели к решению о выводе британских войск из России и переходу к политике сотрудничества с советским правительством.

Привлеченные для исследования документы подтверждают, что в период ноября–декабря 1918 г. вопрос о большевизме рассматривался на государственном уровне в четкой взаимосвязи с разработкой обновленной политики интервенции в условиях наступившего перемирия. При этом он был выделен в отдельный пункт повестки дня заседания Кабинета министров 14 ноября 1918 г., и именно в рамках рассмотрения вопроса о большевизме было принято решение об усилении интервенции и ее направлениях. Непосредственно перед этим заседанием угроза большевизма анализировалась в Имперском Генеральном штабе и Форин офисе в ходе разработки концепции текущей и будущей военной политики в России. Все это свидетельствует о практической значимости фактора угрозы большевизма и его учете в обновленной концепции политики интервенции. В ней большевизм трактовался как угроза глобального характера, а борьба с ним в ходе интервенции в самые богатые и стратегически важные территории бывшей Российской империи должна была стать инструментом в соперничестве с Германией за влияние в постбольшевистской России и граничащих с ней государствах. Вместе с тем Кабинет министров в своих решениях не ставил задачу установления определенной формы правления в России, что, однако, не означало отказа от политики интервенции и повсеместной поддержки антибольшевистских сил, одобренной 14 ноября 1918 г. Дополнительные разъяснения по этому вопросу были даны на заседании Кабинета 10 декабря 1918 г. в ходе рассмотрения меморандума Фишера и документа Бальфура.

На основе изложенного можно заключить, что борьба с большевизмом была заметным и весомым фактором формирования британской политики интервенции после Компьенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Коммунистической партии Советского Союза. М. : Политиздат, 1977. 782 с.
2. История гражданской войны в СССР : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1958. Т. 3. 680 с.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. : Мысль, 1980. 462 с.
4. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М. : Ин-т рос. истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
5. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М. : Междунар. отношения, 2016. 840 с.
6. Уткин А.И. Первая мировая война. М. : Культурная революция, 2010. 560 с.
7. Ullman R.H. Anglo-soviet relations, 1917–1921. Intervention and the War. New Jersey : Princeton University Press, 1961. 492 p.
8. Уорт Р. Антанта и русская революция, 1917–1918 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2006. 271 с.
9. Кэш Т. Русская гражданская война и интервенция союзников // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 244–251.
10. Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 364–375.
11. G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. // The National Archives (NA). CAB 24/70. Original Reference GT 6301–6400, 1918 1 Oct – 28 Nov. P. 22–23.
12. G.T. 6443. Future Military Policy in Russia. Memorandum by Dr. H.A.L. Fisher // NA. Cab. 24/71. Original Reference GT 6401–6500, 1918 31 October – 18 December. P. 142–143.
13. Notes on our Policy in Russia by the Secretary of State for Foreign Affairs // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 106.
14. Minute of the Proceedings of a Conference held at the Foreign Office on November 13, 1918, at 3:30 p.m. // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 78–79.
15. War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 76–77.
16. War Cabinet, 511. Minutes of a Meeting of the War Cabinet // NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480–513, 1918 1 Oct – 19 Dec. P. 104–105.
17. Черчилль У.С. Мировой кризис. Последствия. М. : Принципиум, 2014. 456 с.
18. Шубин А.В. Десять вопросов о революции в России (1917–1922). М. : Просвещение, 2018. 64 с.

Sergei A. Mironyuk, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: privetsergey95@mail.ru

THE STRUGGLE AGAINST BOLSHEVISM AS A FACTOR OF THE INTERVENTION POLICY-MAKING AFTER THE ARMISTICE OF COMPIÈGNE (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE BRITISH WAR CABINET OF MINISTERS DATED NOVEMBER–DECEMBER, 1918)

Keywords: War Cabinet of Ministers; Armistice of Compiègne; intervention; Bolshevism.

The article is devoted to the process of the formation of a renewed British policy of intervention in Russia after the Armistice of Compiègne. This policy was based on the necessity to take into account threats to the world retained in the postwar period. According to the official British documents, Bolshevism was considered such a threat. The research objective is to find out the significance and validity of the struggle against Bolshevism as a factor of strengthening of the British intervention in Russia in November–December, 1918.

The paper is based on the official documents: the memorandum “Our Present and Future Military Policy in Russia” by the Chief of the Imperial General Staff H. Wilson (November 13, 1918), the memorandum “Future Military Policy in Russia” by the Chairman of the Board of Education H. Fischer (December 5, 1918), the document “Notes on our Policy in Russia”, prepared by the Secretary of State for Foreign Affairs A. Balfour (November 1918), the decision of the conference in the Foreign Office of November 13, 1918 and minutes of the War Cabinet of Ministers meetings of November 14 and December 10, 1918.

In November–December, 1918 Bolshevism was viewed at the official level in connection with the development of an updated policy of intervention after the Armistice. It was included as a separate item on the agenda of the Cabinet of Ministers meeting on November 14, 1918 and the decision on a new wave of the intervention was taken in considering the issue of Bolshevism. Bolshevism and several Bolshevism in the renewed policy of intervention though the goal of establishing a certain form of government in Russia was not set. Explanations on this issue were given at the Cabinet meeting on December 10, 1918 while considering Fisher’s memorandum and Balfour’s document.

The author concludes that in November–December, 1918 the fight against Bolshevism was an important factor of the British intervention policy due to the following main reasons: Bolshevism was viewed by the Cabinet of Ministers as a danger to the world because of its possible territorial expansion, and the fight against it was viewed as a means to prevent the influence of Germany in the territory of the former Russian Empire and accordingly to strengthen the role of Great Britain in the postwar world.

REFERENCES

1. Ponomarev, B.N., Volin, M.S. & Zaitsev, S.V. (1977) *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat.
2. Gorky, M., Kirov, S., Molotov, V., Voroshilov, K., Stalin, I. & Zhadanov, A. (1958) *Istoriya grazhdanskoy voyny v SSSR* [The History of the Civil War in the USSR]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat.
3. Volkov, F.D. (1980) *Tayny Uaytkholla i Dauning-strit* [Secrets of Whitehall and Downing Street]. Moscow: Mysl’.
4. Bystrova, N.E. (2016) “*Russkiy vopros*” v 1917 – nachale 1920: *Sovetskaya Rossiya i velikiye derzhavy* [The “Russian question” in 1917 – early 1920: the Soviet Russia and the Great Powers]. Moscow: Institut rossiyskoi istorii, Tsentr gumanitarnykh issledovaniy.
5. Kapitonova, N.K. & Romanova, E.V. (2016) *Istoriya vneshney politiki Velikobritanii* [The History of Foreign Policy of Great Britain]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Utkin, A.I. (2010) *Pervaya mirovaya voyna* [The First World War]. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya.
7. Ullman, R.H. (1961) *Anglo-soviet relations, 1917–1921. Intervention and the War*. New Jersey: Princeton University Press.
8. Worth, R.D. (2006) *Antanta i russkaya revolyutsiya, 1917–1918* [The Allies and the Russian revolution, from the fall of the monarchy to the peace of Brest-Litovsk]. Translated from English by L.A. Igorevsky. Moscow: Tsentrpoligraf.
9. Cash, T. (1994) *Russkaya grazhdanskaya voyna i interventsia soyuznikov* [The Russian Civil War and the Allied intervention]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: perekrestok mneniy* [Civil War in Russia: Crossroads of Opinions]. Moscow: Nauka.
10. Edelman, J. (1994) *Istoricheskoe znachenie russkoy grazhdanskoy voyny* [The historic meaning of the Russian Civil War]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: perekrestok mneniy* [Civil War in Russia: Crossroads of Opinions]. Moscow: Nauka.
11. C.I.G.S. (1918) G.T. 6311. *Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S.* The National Archives (NA). CAB 24/70. Original Reference GT 6301-6400, 1918 1 Oct – 28 Nov. pp. 22–23.
12. Fisher, H.A.L. (1918) G.T. 6443. *Future Military Policy in Russia. Memorandum by Dr. H.A.L. Fisher.* NA. Cab. 24/71. Original Reference GT 6401-6500, 1918 31 October – 18 December. pp. 142–143.
13. The Secretary of State for Foreign Affairs. (1918) *Notes on our Policy in Russia by the Secretary of State for Foreign Affairs.* NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 106.
14. The Foreign Office. (1918) *Minute of the Proceedings of a Conference held at the Foreign Office on November 13, 1918, at 3:30 p.m.* NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 78–79.
15. War Cabinet. (1918a) *War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.* NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 76–77.
16. War Cabinet. (1918b) *War Cabinet, 511. Minutes of a Meeting of the War Cabinet.* NA. CAB 23/8 Original Reference WC 480-513, 1918 1 Oct – 19 Dec. pp. 104–105.
17. Churchill, W.S. (2014) *Mirovoy krizis. Posledstviya* [The World Crisis. The Aftermath]. Translated from English. Moscow: Printsipium.
18. Shubin, A.V. (2018) *Desyat’ voprosov o revolyutsii v Rossii (1917–1922)* [Ten questions about the Revolution in Russia (1917–1922)]. Moscow: Prosveshchenie.